

Молитва ангела

В купе кроме меня ехал ещё монах с Валаамского монастыря, рядом с ним сидел пожилой ветеран в пиджаке, завешанном медалями и значками. Последним в купе вошёл сравнительно молодой, немного подвыпивший, похожий на современного бизнесмена мужчина.

— Что, отец, — дружелюбно спросил он у ветерана, — наверно, на праздник Победы в Москву снаряжился?

— Можно и так сказать... — ответил тот. — Съездить решил, поскольку скоро уже не с кем из наших поговорить будет. Со всем мало фронтовиков осталось...

— А вы долго на фронте были? — поинтересовался я.

— Так если по календарю считать, то почти четыре года и выйдет... Ну, а если по передку, то меньше. Шесть дней всего.

— Немного... — разочарованно сказал мужчина.

— А по-моему, так очень даже много для пехоты, — сказал я. — Мой отец на войне ротой командовал, и вот я посчитал по справкам, что он всего три дня на передовой провёл. Выдвигается его рота на передок, потом сразу атака, а дальше — ранение и полгода в госпиталях. Потом переформирование, снова наступление, снова ранение и снова госпиталь. Теперь уже на год...

— Да... — согласился со мной фронтовик. — На передке долго не жили. Только вот я вам что скажу: кому смерть назначена была, тот и в тылу от неё укрыться не мог.

Он помолчал немного, оглядывая нас, а потом приступил к рассказу.

1.

Помню, тогда наш батальон с формирования шёл, но до линии фронта ещё не близко было.

Встали мы на ночёвку в селе. Только какое это село? Одни печные трубы да воронки. Те несколько домов, которые целы были, начальство заняло, а нам, понятное дело, у костров располагаться пришлось. Наше отделение тоже костерок себе смастерило. Ящиков каких-то натаскали, полубогоревших брёвен — в общем, соорудили костёр не хуже, чем у других.

Хотя, надо сказать, что бывалых солдат и не значилось у нас. Всё отделение из тыловой obsługi было сформировано. Как уж я к ним после выписки из госпиталя попал, не знаю, только совсем чужаком себя чувствовал.

И вот сидим мы у костра, греемся, и я тоже сижу тут... Только чуть в сторонке... Помню, очень тогда помолиться захотелось, вот и притворился я, что задремал, а про себя читал молитвы, которые знал. Но недолго молился я, слышу, зовут к самому командиру батальона. Ну, коли зовут, надо идти. Пошёл...

А там, в избе, настоящее заседание по моему душу устроено.

Только вошёл я, замполит объявляет, дескать, сигнал от бойцов нашего отделения поступил насчёт религиозного уклона, в котором я замечен. Всё отделение, понимаешь ли, бумагу подписало.

Ну, коли так, чего же отпираться, признаваться надо и кару принимать.

Замполит, услышав моё признание, чуть из штанов не выпрыгнул:

— Как так! — закричал. — Ты советский солдат, ты к медали, понимаешь ли, представлен, а в бабкины сказки веришь! Да ещё бойцов из своего отделения разлагаешь небылками поповскими! Тебе не медаль надо, а под суд! В штрафбат захотел?

— Нет, — говорю, — охоты нет в штрафбат идти, товарищ старший лейтенант. Могу и в нашем батальоне дальше службу нести. Только к вере моей это отношения не имеет!

Что замполит мне сказать собирался, не знаю, — тут взрыв прогремел.

— Что такое?! — командир батальона закричал. — Немедленно разобраться и доложить!

А замполит тем временем ещё сильнее меня страшать стал. Он уже и особиста к моему делу приладил, но тут прибежал ординарец, докладывает командиру, а сам на меня смотрит.

— Костёр, — говорит, — наши тыловики развели. А там в земле снаряд неразорвавшийся оказался! В общем, всё отделение кроме него... — и он на меня кивает, — на смерть поубивало...

2.

Фронтовик замолчал и размашисто, так что зазвенели значки и медали, осенил себя крестным знаменем.

— А командир-то чего тебе сказал? — хрипловато спросил похожий на бизнесмена мужчина.

— Да ничего он не говорил... — вздохнул ветеран. — Перекрестился я тогда прямо перед ними, а следом за мною и товарищ из особого отдела тоже не то паутину стряхивал, не то крестом себя обмахнул.

У замполита лицо пятнами пошло, рот сам собой открылся, а сказать ничего не выходит. Ну, а командир ругаться не стал.

— Какие штрафбаты, — говорит, — если утром все на передке будем. Со всеми нами там разберутся, кому чего положено!

Отпустил он меня. Ну и правильно всё

— Ну, так это у него молитва! — сказал мужчина. — Между прочим, я тоже в церкви бываю, знаю, что молитва помогает. Но со мной-то разные чудеса происходили, когда я и не молился совсем.

— Это плохо! — сказал монах. — Только ведь ваш ангел-хранитель всё равно за вас молится. Это тем, которые и не крестились, тяжелее. Это за них и помолиться некому, кроме близких.

И он перекрестился. Перекрестился следом за ним и мы. И крепкий, похожий на бизнесмена мужчина, и зазвеневший своими медалями и значками ветеран...

Стучали колёса. Наш поезд мчался сквозь ночь, опустившуюся над Родиной.

Объяснение в любви

Когда жена в автокатастрофе погибла, Сергей два года отойти не мог, будто омертвел сам.

Днём он вроде бы привыкал к мысли, что теперь один, но ночью забывал во

о прошедшей жизни, и, понимая, что это нехорошо, он всё равно не знал, о чём ему следует молиться, если жены уже нет в живых.

Обычно он просыпался от этой мысли и всегда, вспоминая, что жены нет, содрогался от боли, как в тот первый раз, когда услышал страшную весть, но сегодня сон не завершился пробуждением.

— Отчего же нехорошо? — услышал Сергей женский голос. — Отчего же не молиться?

Он повернулся на голос и разглядел среди икон пожилую женщину в красной кофте и зелёной юбке

Женщину эту Сергей, как это бывает только во сне, сразу узнал. Нынешним летом знакомые ездили в Петербург и привезли ему книжку про Блаженную Ксению Петербургскую. Книжку Сергей взял и, хотя и не понял, зачем ему это, но дома прочитал, удивляясь судьбе святой.

И вот теперь он узнал свою собеседницу и, несмотря на то, что исчезла она ку-

Николай КОНЬЕВ

сказал. Наутро прибыли мы на передок и сразу наш батальон отправили железнодорожную станцию брать. Чего мы там взяли, не знаю, сам я уже в госпитале очнулся...

3.

Фронтовик замолчал, вспоминая, должно быть, тот бой и ту атаку.

— Поразительно... — сказал я, вторгаясь в его фронтовые видения. — С кем из фронтовиков не поговоришь, и каждый обязательно расскажет про чудо, которое его на фронте спасло.

— Ну а как же иначе... — вздохнул ветеран. — Так и было! С кем не случилось чуда, все там, на войне, и остались. Никто не вернулся.

— Что же, — спросил похожий на бизнесмена мужчина, — без чудес и не воевали, получается?

— Получается, что не воевали... — сказал ветеран. — Очень уж война страшная была.

— Так ведь и мы сейчас не живём без чудес, если подумать... — вступил в разговор валаамский монах. — Вот вы сами-то, — он повернулся к похожему на бизнесмена мужчине. — Неужели с вами ничего не происходило такого, когда вы погибнуть могли?

— Отчего же? — пожал плечами мужчина. — Бывало, конечно, всякое...

— Ну вот, а вы удивляетесь, что на фронте молитва людей спасала?

о свершившемся несчастье, и утром, вспоминая, что жены нет, содрогался от боли, как в тот первый раз, когда услышал страшную весть. И хотя ходил на работу и с сослуживцами общался, но всё это как будто и не он был, а кто-то другой.

1.

Только в церкви становилось легче. Здесь, возле икон, слушая произносимые молитвы, Сергей молился и сам и вспоминал при этом покойную жену, причём вспоминал не какие-то отдельные эпизоды, а всю свою недолгую семейную жизнь целиком. От того самого первого знакомства, когда после отпуска подошёл он за просфорой.

Просфоры ему не хватило, и почему-то это очень огорчило его, и тогда она — они как-то сразу узнали друг друга! — протянула ему булочку.

— Это же не просфора... — сказал он. — А я её и не выдаю за просфору, — ответила она. — Просто мне хочется, чтобы вы взяли эту булочку.

И он взял, понимая, что это не простая булочка, и, действительно, через два месяца они поженились и так счастливо, так радостно прожили шесть месяцев и четыре дня, пока он не поцеловал её, думая, что прощается до вечера, а оказалось, что навсегда...

И было это уже два года назад... Иногда во сне Сергей ловил себя на мысли, что он и не молится совсем, а думает

да-то, Сергей увидел себя в Петербурге, в часовне блаженной Ксении. Он стоял там один, и никто ничего и не говорил ему, но Сергей твёрдо знал, что сейчас свою жену встретит.

2.

Так явственно этот сон запомнился, что вечером — как раз пятница была! — пошёл Сергей на вокзал и купил билет в Петербург.

И в поезде снова сон про часовню повторился.

— Встретишь-встретишь жену первую! — непонятно сказала ему пожилая женщина в красной кофте и зелёной юбке. — Не сомневайся даже.

— А как я узнаю её?

— Узнаешь...

С вокзала Сергей сразу поехал на Смоленское кладбище, зашёл в часовню Ксении Блаженной, постоял там, как будто в своём сне, но ничего не произошло и Сергея, вздохнув, вышел из часовни.

Уходя с кладбища, он всё-таки решил зайти в церковь. Литургия уже кончилась, возле канона собирались на панихиду прихожане. Сергей тоже написал на бумажке имя жены и с пятисотрублёвой купюрой протянул священнику.

Молодая женщина появилась уже в конце панихиды. В руках у неё был пакет с булочками, и она начала раздавать их. Сергей почувствовал, что его охватывает такое же, как во сне, волнение и, не зная,